СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXII, № 6.

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО

ВЪ 1906 ГОДУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1907.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1907 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Отчетъ о присужденіи премій имени графа Д. А. Толстого, читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1906 года Ординарнымъ академикомъ *Н. П. Кондаковымъ* 1

РЕЦЕНЗІИ:

I. Ордин. академика А. И. Соболевскаго: изслѣдованія магистра *П. Г. Васенка:* «Книга Степенная Царскаго Родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности». Часть I-я. (Спб., 1904 г.) 7

II. Ордин. академика И. В. Ягича: изслѣдованія стипендіата Имп. Университета Св. Владимира *А. М. Лукьяненка:* «Кайкавское нарѣчіе». (Кіевъ, 1905 г.)..... 14

III. Члена-корресп. проф. Е. Ѳ. Карскаго: изслѣдованія д-ра мед. *Я. Трусевича:* «Сводъ 260 азбукъ и образцовъ кириллицы. Изъ снимковъ рукописей X—XVIII вѣковъ русско- и юго-славянскихъ. (Изборникъ 1905 г.)». 2 выпуска 19

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1906 года

Ординарнымъ академикомъ **Н. П. Кондаковымъ.**

Присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого принадлежало въ настоящемъ году Отдѣленію русскаго языка и словесности. На соисканіе означенныхъ премій поступили къ сроку 1-го мая сего года сочиненія отъ *пяти* авторовъ; изъ этого числа *одинъ* трудъ былъ перенесенъ на соисканіе премій Митрополита Макарія 1907 года, и затѣмъ *три* труда, поступившіе отъ одного соискателя, какъ не удовлетворявшіе §§ 5, 6 и 9 правилъ о преміяхъ Д. А. Толстого, были сняты съ конкурса (какъ не имѣющіе характера изслѣдованія и притомъ вышедшіе въ свѣтъ болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ).

Такимъ образомъ разсмотрѣнію и обсужденію постановлявшей рѣшеніе о присужденіи означенныхъ премій Комиссіи подлежало всего *три* труда. Къ участію въ разсмотрѣніи одного изъ означенныхъ сочиненій былъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности привлеченъ его членъ-корреспондентъ проф. Имп. Варшавскаго Университета Е. Ѳ. Карскій; остальные же два труда были разсмотрѣны ординарными академиками А. И. Соболевскимъ и И. В. Ягичемъ.

Комиссія подъ предсѣдательствомъ ордин. акад. Ф. Ѳ. Фортунатова состояла изъ членовъ Отдѣленія ординарныхъ академиковъ: А. А. Шахматова, В. И. Ламанскаго, Н. П. Кондакова и А. И. Соболевскаго.

Приводимъ ниже въ извлеченіи краткіе отзывы о *трехъ* сочиненіяхъ, заслужившихъ одобреніе Комиссіи.

I.

Пл. Гр. Васенко: «*Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности*». Часть первая. (Спб. 1904).

Разсмотрѣніе означеннаго изслѣдованія было исполнено ординарнымъ академикомъ А. И. Соболевскимъ.

Трудъ г. Васенка — говоритъ г. рецензентъ — представляетъ вполнѣ законченную работу по главнымъ вопросамъ о Степенной книгѣ и даетъ рядъ цѣнныхъ выводовъ. Воспользовавшись многочисленными списками Степенной и разсмотрѣвъ ея составъ, г. Васенко доказалъ, что этотъ памятникъ не имѣетъ никакого отношенія къ митрополиту Кипріану и что его появленіе должно быть относимо лишь къ эпохѣ митрополита Макарія. Точно также онъ закрѣпилъ участіе въ составленіи Степенной за царскимъ духовникомъ Андреемъ, потомъ митрополитомъ Аѳанасіемъ. Равнымъ образомъ ему вполнѣ удалось разрѣшить рядъ мелкихъ вопросовъ. Но кое-что въ изслѣдованіи Степенной подлежитъ пересмотру. Между прочимъ г. Васенко безъ достаточнаго основанія призналъ митрополита Макарія иниціаторомъ въ составленіи Степенной и оставилъ безъ вниманія вполнѣ ясное указаніе на участіе въ составленіи этого памятника извѣстнаго Сильвестра.

Трудъ г. Васенка, тщательно исполненный и представляющій несомнѣнный вкладъ въ науку, заслуживаетъ одной изъ *высшихъ* наградъ имени графа Толстого.

II.

А. М. Лукьяненко: *„Кайкавское нарѣчіе“*. (Кіевъ, 1905 г.).

Рецензія этого труда была получена отъ ордин. академика И. В. Ягича.

Авторъ монографіи о кайкавскомъ парѣчіи взялся за изученіе своего предмета исключительно по книгамъ, по печатнымъ матеріаламъ и существующимъ уже изслѣдованіямъ отдѣльныхъ говоровъ. Надѣюсь, не по убѣжденію, что это прямой путь, онъ рѣшился брать изъ вторыхъ рукъ, вмѣсто того, чтобы брать прямо изъ живого источника.

Это обстоятельство безспорно повредило научному значенію его изслѣдованія. Не будучи въ состояніи прислушиваться къ особенностямъ произношенія, авторъ не могъ вдаваться въ опредѣленіе физіологическихъ особенностей и акустической стороны этого нарѣчія, хотя ему должно быть хорошо извѣстно, что именно эти явленія составляютъ одну изъ главныхъ и существенныхъ задачъ діалектологіи.

Не смотря на большіе пробѣлы въ его пособіяхъ, картина нарѣчія вышла довольно полная, хотя и не представлено ничего для науки новаго, а только изъ различныхъ текстовъ хорошо собранъ матеріалъ и сгруппированъ въ грамматическую систему, значитъ подобрано и сведено въ одно цѣлое то, что до сихъ поръ приходилось отыскивать въ отдѣльныхъ монографіяхъ (напр. у Валявца, Рожича, Строгаля, Облака), или же въ текстахъ этнографическаго содержанія, стремившихся къ вѣрной передачѣ народнаго говора, точность исполненія которой авторъ не былъ однакожъ въ состояніи контролировать.

Имѣя въ виду усердіе молодого ученаго, оказавшаго хорошую услугу своимъ сочиненіемъ русскому славяновѣдѣнію, г. рецезентъ позволяетъ себѣ выразить желаніе, что для поощренія его къ дальнѣйшей дѣятельности Комиссія найдетъ возможнымъ удостоить его, если не нѣкоторой доли преміи, такъ по крайней мѣрѣ почетнаго отзыва.

III.

«*Сводъ 260 азбукъ и образцовъ кириллицы* Изъ снимковъ рукописей X—XVIII вѣковъ русско- и юго-славянскихъ. — *Пособіе къ методикѣ опредѣленія времени написанія древнихъ рукописей и по курсамъ* славяно-русской палеографіи. Составилъ и издалъ слушатель Имп. Археологическаго Института докт. мед. **Я. Трусевичъ.** (Изборникъ 1905 г.)».

Разсмотрѣніе упомянутаго труда было по порученію Отдѣленія любезно исполнено его членомъ-корреспондентомъ ординарнымъ профессоромъ Имп. Варшавскаго Университета Е. Ѳ. Карскимъ.

«Изборникъ 1905 г.» не лишенъ недостатковъ, иногда довольно замѣтныхъ. Авторъ въ большинствѣ случаевъ предвидитъ возраженія, которыя ему могутъ сдѣлать, и старается привести соображенія, хотя и не всегда убѣдительныя, оправдывающія его методы и пріемы.

Тѣмъ не менѣе разсматриваемое изданіе является первой попыткой дать компактный *сводъ* азбукъ кирилловскаго письма всѣхъ его видовъ съ X по XVIII вѣкъ, съ которымъ, несомнѣнно, придется имѣть дѣло какъ при практическомъ ознакомленіи съ рукописнымъ матеріаломъ, такъ отчасти и при преподаваніи палеографіи. Сводъ азбукъ обнимаетъ памятники не только русскаго письма, какъ это дѣлалось раньше, но и югославянскаго, притомъ изъ большого количества разнообразныхъ рукописей. Не довольствуясь однѣми азбуками, авторъ даетъ и небольшіе образцы

письма. Обладая опытностью въ черченіи и рисованіи, а также значительной подготовкой въ области палеографіи, г. Трусевичъ очень точно передаетъ какъ азбуки, такъ и образцы. Если его альбомъ еще не является окончательнымъ выполненіемъ завѣта А. Шлецера, то во всякомъ случаѣ онъ значительно облегчаетъ дальнѣйшія попытки въ этомъ отношеніи, служа необходимымъ этапомъ науки въ подобномъ движеніи, давая въ то же время богатый наглядный матеріалъ для обобщающихъ выводовъ. Вся работа, при затратѣ значительныхъ средствъ, выполнена любителемъ авторомъ единолично и самостоятельно. Такимъ образомъ автору нельзя отказать въ любви къ дѣлу и въ надежности исполненія взятой на себя задачи. Такой трудъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ поощренія.

Принимая все вышеизложенное во вниманіе, г. рецезентъ считаетъ возможнымъ ходатайствовать передъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности о награжденіи труда г. Трусевича *почетной медалью* имени графа Д. А. Толстого.

Комиссія, ознакомившись съ поступившими на соисканіе премій имени графа Д. А. Толстого трудами и съ мнѣніями о нихъ гг. рецензентовъ, — закрытою баллотировкою шарами присудила нижеслѣдующія награды имени графа Д. А. Толстого:

1) Магистру русской исторіи П. Г. Васенку—*денежную награду* имени графа Д. А. Толстого въ размѣрѣ *восьмисотъ рублей*,

2) Стипендіату Имп. Университета Св. Владимира для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ славянской филологіи А. М. Лукьяненку — *золотую медаль* имени графа Д. А. Толстого въ *триста рублей*,

и 3) Д-ру мед. Я. И. Трусевичу—*почетный отзывъ* имени графа Д. А. Толстого.

Означенное постановленіе Комиссіи было утверждено Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, причемъ Отдѣленіе *поста-*

новило высказать свою искреннюю благодарность за составленіе рецензіи на трудъ д-ра мед. Трусевича члену-корреспондепту проф. Имп. Варшавскаго Университета Е. Ѳ. Карскому.

Слѣдующее ближайшее присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого *по Отдѣленію русскаго языка и словесности* Императорской Академіи Наукъ послѣдуетъ въ 1909 году; срокомъ для представленія сочиненій па это соисканіе премій назначено 1-е мая 1909 года.

I.

Пл. Гр. Васенко. Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности. Часть первая. Спб. 1904.

Отзывъ Академика А. И. Соболевскаго.

I.

П. Г. Васенко предпринялъ пересмотръ вопросовъ о Степенной, собралъ значительный матеріалъ и далъ свои отвѣты на большую часть вопросовъ; на меньшую (относительно источниковъ Степенной и ея вліянія на позднѣйшую русскую литературу) онъ обѣщаетъ дать отвѣты въ продолженіи своего труда.

Нельзя сказать, чтобы всѣ его отвѣты были новы, но необходимо признать, что онъ подкрѣпилъ нѣкоторыя старыя мнѣнія новыми данными и утвердилъ ихъ, повидимому, навсегда. Изслѣдованіе многочисленныхъ списковъ Степенной и опредѣленіе ихъ значенія имѣютъ особенную цѣнность и дѣлаютъ его трудъ необходимымъ для всякаго, кто хочетъ пользоваться Степенной.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ пошелъ не по надлежащей дорогѣ и его мнѣнія должны быть измѣнены или устранены.

Мы намѣрены остановиться лишь на немногихъ изъ нихъ, по нашему убѣжденію, наиболѣе важныхъ.

II.

Что такое Степенная?

По цѣли своего написанія, отвѣчаетъ авторъ, по пріемамъ изложенія и характеру своихъ статей, Степенная является «торжественной книгой» и сборникомъ статей агіобіографическаго и агіографическаго содержанія и въ этомъ отношеніи однородна съ четьи-минеями.

«Не трудно замѣтить, читаемъ мы у автора (стр. 232), что какъ Степенная, такъ и минеи служатъ по своему централизаціи: въ послѣднихъ были централизованы святыя книги чтомыя на Руси, въ первой—сказанія о *святыхъ князьяхъ и княгиняхъ, принадлежащихъ къ царствующей династіи*».

Кто имѣлъ въ рукахъ Степенную въ печатномъ ея изданіи, тотъ можетъ изумиться такому простому опредѣленію. Дѣйствительно, Степенная заключаетъ въ себѣ рядъ житій святыхъ Рюриковичей; но рядомъ съ этими житіями въ ней житія всѣхъ святыхъ митрополитовъ и житіе крестнаго отца царя Ивана Грознаго Даніила Переяславскаго; а сверхъ того, *длинный рядъ краткихъ и пространныхъ разсказовъ* о такихъ событіяхъ, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ агіографіи. Эти разсказы, сначала немногочисленные и обыкновенно лишенные хронологическихъ датъ, къ концу Степенной разростаются до того, что почти вытѣсняютъ агіографическій матеріалъ и дѣлаютъ изъ Степенной своеобразный *лѣтописный сводъ* [1]), со вставленными въ него, какъ и вообще въ лѣтописные своды, повѣстями (какова повѣсть о взятіи Царьграда турками), посланіями и документами.

Если названіе Степенной агіографическимъ сборникомъ еще до извѣстной степени пригодно для ея 1-й части (по печатному изданію), то оно совершенно не подходитъ для 2-й части (степени 14-я, 15-я и 16-я).

---

1) «Авторъ Степенной, признаетъ П. Г. Васенко, не былъ свободенъ отъ лѣтописной системы изложенія» (стр. 96).

Такая неопредѣленность состава Степенной показываетъ, что мы имѣемъ въ этой книгѣ произведеніе сложнаго характера. И дѣйствительно, внимательное разсмотрѣніе текста, какъ увидимъ сейчасъ, говоритъ намъ не объ одномъ, а по крайней мѣрѣ о двухъ творцахъ Степенной.

Одинъ творецъ зналъ, что дѣлалъ. Повидимому, онъ хотѣлъ дать въ Степенной именно то, что въ ней видитъ П. Г. Васенко,— сборникъ житій святыхъ Рюриковичей, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, въ перемежку съ разсказами о благочестивыхъ дѣяніяхъ и чудесныхъ событіяхъ при тѣхъ Рюриковичахъ, которые не удостоились церковнаго прославленія. Онъ радѣлъ о царствующей династіи и старался показать читателю, что она окружена издревле, отъ самаго своего корня, заслугами предъ Богомъ и вниманіемъ къ ней Бога. Ему удалось собрать большое количество подходящаго матеріала изъ житій и лѣтописей и воспользоваться имъ относительно полно. Что до неподходящаго матеріала, то онъ съ нимъ не церемонился. О такомъ угодникѣ, какъ преп. Ѳеодосій Печерскій, которому посвящено и спеціальное житіе, и нѣкоторые разсказы Печерскаго Патерика, и нѣсколько страницъ лѣтописи, и который — вдобавокъ — имѣлъ близкое отношеніе къ нѣсколькимъ Рюриковичамъ, онъ только упомянулъ вскользь. А о цѣломъ рядѣ другихъ святыхъ, не имѣвшихъ къ Рюриковичамъ сколько-нибудь близкаго отношенія, у него нѣтъ ни слова.

Но кромѣ святыхъ Рюриковичей, этотъ творецъ постоянно имѣетъ въ виду митрополитовъ. Если-бъ были житія святыхъ митрополитовъ кіевскихъ, онъ, безъ сомнѣнія, ихъ всѣ помѣстилъ бы. Но ихъ не существовало, и ему пришлось ограничиться подборомъ лѣтописныхъ извѣстій о святыхъ дѣлахъ этихъ митрополитовъ. Такъ, въ степени 3-мъ въ главѣ 4-ой онъ говоритъ, сколь возможно, полно — о добродѣтеляхъ митрополита Іоанна, а въ главѣ 5-ой — о чудотворномъ митрополитѣ Ефремѣ. Что же касается другихъ святителей, прославленныхъ чудесами и имѣвшихъ уже посвященныя имъ житія, то и съ ними также онъ не

поцеремонился: они или совсѣмъ не упомянуты (какъ святые новгородскіе архіепископы), или упомянуты мелькомъ, по какому-нибудь случаю.

Такимъ образомъ задачею перваго творца Степенной было, по нашему мнѣнію, прославленіе московскихъ властей—царя и митрополита. То, что не касалось прославленія этихъ лицъ, казалось ему неподходящимъ для его труда.

Самъ этотъ творецъ, по собственному вдохновенію, предпринялъ свою работу, или онъ былъ только исполнителемъ чужого замысла, мы не можемъ опредѣлить. П. Г. Васенко считаетъ «иниціаторомъ» Степенной митрополита Макарія (стр. 190), ссылаясь на то, что «начальное слово» Степенной, написанное спеціально для нея, появилось «повелѣніемъ и благословеніемъ» Макарія. Но «повелѣніе и благословеніе» духовныхъ начальниковъ равняется простому одобренію и не говоритъ ничего о иниціативѣ [1]). Поэтому, если уже пускаться въ догадки, мы можемъ предположить иниціаторомъ другое лицо—царя Ивана Грознаго. Сколько мы знаемъ, митрополитъ Макарій былъ чуждъ политики; да и трудно думать, чтобы онъ, совсѣмъ не москвичъ по происхожденію, могъ найти нужнымъ созданіе агіографическаго труда съ столь узкимъ интересомъ, какъ Степенная, гдѣ оставленъ безъ всякаго вниманія цѣлый рядъ русскихъ великихъ угодниковъ. Царь же Иванъ Грозный былъ именно прежде всего своеобразнымъ политикомъ и мысль о святости Рюрикова рода была, какъ извѣстно, ему не чужда. Сверхъ всего, «начальное слово» Степенной мы не можемъ считать принадлежащимъ перу перваго ея творца; оно написано, судя по всему, тѣмъ лицемъ, которое работало надъ тремя послѣдними степенями.

Обращаемся къ этому второму творцу. Ему, повидимому, принадлежитъ окончательная редакція всей Степенной, ссылки на степени и грани и т. п. Онъ мало касался первыхъ степеней, ко-

1) П. Г. Васенко думаетъ, что Степенная должна была служить дополненіемъ къ Макарьевскимъ четьи-минеямъ. Мы не видимъ достаточнаго основанія для такого мнѣнія.

торые были приготовлены начисто его товарищемъ, но кажется, кое-гдѣ кое-что вставилъ. Что именно имъ написано, мы опредѣлить не беремся; его перу мы готовы приписать житіе Даніила Переяславскаго [1]).

Если мы сравнимъ житія Ольги и Владимира, принадлежащія несомнѣнно одному автору, съ житіемъ Даніила, мы увидимъ между нимъ большую разницу. Первыя житія могутъ считаться отличными для своего времени литературными произведеніями, гдѣ соединились и высота словесъ, и полная удобопонятность языка и изложенія. Они написаны свободно и читаются легко, не смотря на обиліе словъ высокаго стиля, отчасти, быть можетъ, принадлежащихъ самому автору (*самодержатель*, *небошественикъ*, *христопроповѣдница* и т. п.). Житіе же Даніила написано не лучше большинства русскихъ житій XVI вѣка, тоже, конечно, съ высокими словами, но другого подбора, не всегда связно, хотя вообще ясно.

Вполнѣ возможно, что кромѣ этихъ двухъ, принимали то или другое участіе въ составленіи Степенной еще другія второстепенныя лица; во всякомъ случаѣ, напримѣръ, разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ Ливоніи при Грозномъ очень близокъ по языку и изложенію къ нѣкоторымъ статьямъ царской лѣтописи XVI вѣка (въ «Царственной Книгѣ»); какъ будто мы имѣемъ дѣло съ трудомъ подьячихъ-грамотеевъ, писавшихъ на русскомъ языкѣ, но съ формами аориста и имперфекта и съ кое-какими славянскими словами, въ общемъ безъ особаго «украшенія». Надо замѣтить, что въ царской лѣтописи попадаются статьи тоже съ формами аориста и имперфекта, по языку очень близкія къ лѣтописнымъ статьямъ Степенной.

---

1) И здѣсь, и далѣе мы говоримъ о житіи, находящемся въ Степенной

III.

П. Г. Васенко считаетъ авторомъ Степенной священника Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ и царскаго духовника Андрея, потомъ сдѣлавшагося митрополитомъ съ именемъ Аѳанасія.

Мы съ нимъ вполнѣ согласны, что Аѳанасій дѣйствительно «собралъ» Степенную. П. Г. Васенко считаетъ его авторомъ житія Даніила Переяславскаго (стр. 211); мы въ этомъ, послѣ его доказательствъ, не сомнѣваемся. Но мы расходимся съ П. Г. Васенкомъ въ опредѣленіи степени участія Андрея въ составленіи Степенной.

Уже давно указывали, что житіе Ольги принадлежитъ знаменитому священнику Сильвестру. Основаніе для такого указанія считалось вполнѣ достаточнымъ. Но П. Г. Васенко возсталъ противъ мнѣнія о томъ, что Сильвестръ нѣчто сдѣлалъ для Степенной. По его мнѣнію, Сильвестръ знаменитый и Сильвестръ, съ которымъ связывали житіе Ольги, — разныя лица, и второй Сильвестръ — просто переписчикъ.

Посмотримъ данныя.

Рукопись Погодинскаго собранія № 744, въ четвертку, писанная нѣсколькими бѣглыми полууставными почерками конца XVI вѣка[1]), заключаетъ въ себѣ то же житіе Ольги, которое находится въ Степенной и представляетъ одинъ изъ рѣдчайшихъ списковъ этого житія внѣ Степенной.

Первая ея страница заключаетъ въ себѣ длинное киноварное заглавіе житія и затѣмъ шесть строкъ чернаго письма (начало житія). На нижнемъ полѣ этой страницы отличнымъ красивымъ полууставомъ XVI вѣка, съ вязями, каллиграфически, написаны киноварью слѣдующія слова:

Спі́сано любомрецѣ̑ селивестрѡ̑ прозві́терѡ̑ цр҃твующаго града москвы.

---

1) Въ молитвѣ къ Ольгѣ, Владимиру, Борису и Глѣбу (л. 73) авторъ проситъ хранить царя и князя Феодора. Можно думать, что рукопись писана въ его царствованіе.

П. Г. Васенко полагаетъ, что эта надпись указываетъ на переписчика житія Ольги, какого-то московскаго священника, одноименнаго съ знаменитымъ совѣтникомъ Грознаго (стр. 195). Но мы привыкли видѣть запись переписчика на послѣднемъ листѣ или вообще въ концѣ рукописи; на первомъ же листѣ текста сочиненія, тотчасъ послѣ заглавія или гдѣ-нибудь подлѣ заглавія, указывается почти всегда авторъ. Сверхъ того, какой же переписчикъ когда-нибудь рѣшился именовать себя «любомудрецомъ» или подобнымъ высокопочетнымъ титуломъ?

По нашему мнѣнію, нельзя сомнѣваться, что надпись Погодинской рукописи говоритъ объ авторѣ Сильвестрѣ и именно о знаменитомъ Сильвестрѣ.

Этого Сильвестра мы считаемъ первымъ, главнымъ творцомъ Степенной. Всѣ недоразумѣнія и возраженія П. Г. Васенка (стр. 191 слѣд.), послѣ сказаннаго выше, рушатся сами собой и мы можемъ говорить рѣшительно.

Время составленія житія Ольги можетъ быть приблизительно опредѣлено.

Списки Степенной (мы пользуемся спискомъ Имп. Публичной Библіотеки F. IV. 207, XVII вѣка, л. 75) въ молитвѣ автора къ Ольгѣ и др. упоминаютъ о царѣ и великомъ князѣ Иванѣ «со благоприбытнымъ супружествомъ его и со благороднѣйшими *чады* его и со благовѣрными *братьями*». Слѣдовательно, когда авторъ писалъ житіе, царь имѣлъ не менѣе какъ двоихъ дѣтей и его братъ Юрій († въ концѣ 1563 г.) былъ еще живъ.

IV.

Когда закончена Степенная? П. Г. Васенко (стр. 243) говоритъ: «Есть данныя для предположенія, что временемъ составленія Степенной книги были 1560—1563 годы. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что окончательная обработка Степенной относится къ марту—декабрю 1563 года».

Авторъ не открываетъ, какія онъ имѣетъ данныя, и мы находимся въ недоумѣніи.

Почему онъ предполагаетъ, что начало «составленія» Степенной относится къ 1560 году, а не раньше? что она какъ цѣлое закончена въ 1563 году, а не позднѣе?

Имѣетъ ли Степенная опредѣленное окончаніе?

Всякій, кто перечитаетъ послѣднія лѣтописныя статьи Степенной, напечатанныя у П. Г. Васенка на стр. 92—94, увидитъ, что ничего похожаго на заключеніе въ ней нѣтъ и что она обрывается неожиданно для читателя. Ясно, трудъ не былъ доведенъ до конца; какія-то обстоятельства помѣшали работѣ.

Разъ установлено, что Степенную «собралъ» Аоанасій, единственное возможное предположеніе: Степенная была оставлена безъ окончанія потому, что Аоанасій сдѣлался митрополитомъ и многочисленныя дѣла по церковному управленію лишили его необходимаго досуга.

Впрочемъ Аоанасій могъ не знать, чѣмъ хотѣлъ закончить Степенную его первый творецъ, послѣ котораго онъ ее получилъ какъ-бы въ наслѣдство.

II.

Отзывъ о сочиненіи **А. М. Лукьяненко**: «Кайкавское нарѣчіе», Кіевъ, 1905 г.

Раньше чѣмъ я получилъ отъ Императорской Академіи Наукъ порученіе написать разборъ сочиненія г-на Лукьяненко о «Кайкавскомъ нарѣчіи», представленнаго авторомъ на соисканіе Толстовской преміи 1906 года, мнѣ пришлось познакомиться съ этимъ сочиненіемъ для рецензіи, которую я написалъ и напечаталъ въ издаваемомъ мною журналѣ «Archiv für slavische Philologie», томъ XXVII, стр. 578—586. Разобравъ въ этой рецензіи довольно внимательно значеніе труда г-на Лукьяненко, я считаю достаточнымъ, не вдаваясь вторично въ подробности, изложенныя въ указанной рецензіи, отдѣльный оттискъ которой при семъ прилагаю, сослаться на все тамъ сказанное; здѣсь же прибавлю еще нѣкоторыя дополненія, главнымъ же образомъ представлю общій выводъ изъ моихъ замѣчаній.

Авторъ этой монографіи о Кайкавскомъ нарѣчіи взялся за изученіе своего предмета исключительно по книгамъ, по печатнымъ матеріаламъ и существующимъ уже изслѣдованіямъ отдѣльныхъ говоровъ. Надѣюсь, не по убѣжденію, что это прямой путь, онъ рѣшился брать изъ вторыхъ рукъ, вмѣсто прямо изъ живого источника. Независимыя отъ него обстоятельства, невозможность поѣхать на югъ въ Хорватію, заставили его отказаться отъ непосредственныхъ наблюденій. Я, конечно, не стану оправдывать эту

личными обстоятельствами обусловленную неправильную постановку вопроса. Она безспорно повредила научному значенію этого изслѣдованія. Не будучи въ состояніи прислушиваться къ особенностямъ произношенія, авторъ не могъ вдаваться въ опредѣленіе физіологическихъ особенностей и акустической стороны этого нарѣчія, хотя ему должно быть хорошо извѣстно, что именно эти наблюденія составляютъ одну изъ главныхъ и существенныхъ задачъ діалектологіи. Не имѣя возможности подойти къ своему предмету путемъ прямого наблюденія жизненной обстановки, авторъ постарался сдѣлать по крайней мѣрѣ все то, что можно исполнить сидя въ Кіевѣ, располагая средствами ближайшей библіотеки. Надо ему отдать справедливость, онъ воспользовался добросовѣстно тѣмъ, что у него было подъ руками. Подобнаго рода темы задаются усерднымъ студентамъ старшихъ курсовъ, проявляющимъ уже наклонности къ извѣстнымъ спеціальностямъ. Если къ усердію присоединяется еще и талантливость, чего автору книжки о Кайкавскомъ нарѣчіи нельзя отрицать, въ такомъ случаѣ достигаются довольно полезные результаты. Труды подобнаго рода не только не лишнія явленія въ литературѣ, они даже нерѣдко восполняютъ чувствительные пробѣлы въ данной литературѣ. Къ такимъ сочиненіямъ я не задумываюсь причислить книжку г-на Лукьяненко. У него не было, правда, всѣхъ пособій для изученія Кайкавскаго нарѣчія подъ рукой. Въ особенности о возможности вникать въ глубь исторической жизни этого когда-то литературнаго нарѣчія и рѣчи быть не можетъ. Изданій Кайкавскаго нарѣчія предыдущихъ столѣтій у него вовсе не было подъ руками. Кажется, даже такихъ великолѣпныхъ пособій, какъ словарь Бѣлостѣнца, онъ не зналъ и не видалъ. Несмотря на эти большіе пробѣлы въ его пособіяхъ, картина нарѣчія вышла довольно полная, хотя и не представлено ничего для науки новаго, а только изъ различныхъ текстовъ хорошо подобранъ матеріалъ и сгруппированъ въ грамматическую систему, значитъ, собрано и сведено въ одно цѣлое то, что до сихъ поръ приходилось отыскивать въ отдѣльныхъ монографіяхъ

(напр. у Валявца, Рожича, Строгаля, Облака), или же въ текстахъ этнографическаго содержанія, стремившихся къ вѣрной передачѣ народнаго говора, точность исполненія которой авторъ не былъ однакожъ въ состояніи контролировать. Въ моей рецензіи указано на недосмотры и промахи, вкравшіеся въ этомъ отношеніи въ сочиненіе г-на Лукьяненко, не по винѣ его, правда, развѣ только вслѣдствіе лишней довѣрчивости къ источникамъ.

Примѣры, собранные для характеристики фонетической и морфологической стороны Кайкавскаго нарѣчія, на сколько нужно было вдаваться въ ихъ объясненіе, въ большинствѣ случаевъ истолкованы вѣрно. Есть, конечно, и здѣсь кой-какія неточности или недоразумѣнія, но общая картина отъ этого не пострадала. Что она не выходитъ наружу вполнѣ наглядно, объясняется неполнотою матеріаловъ. Тѣ, которыми авторъ располагалъ, относятся только къ нѣкоторымъ мѣстностямъ изъ цѣлой области Кайкавскаго нарѣчія. При отрывочныхъ средствахъ, которыя у автора были подъ рукой, можно было дать отчетъ объ особенностяхъ нарѣчія только въ извѣстныхъ ограниченныхъ размѣрахъ, причемъ недостаетъ звеньевъ, представляющихъ переходъ изъ одного говора къ другому. Такъ напр. мы пока ничего не знаемъ о говорахъ въ окрестностяхъ Дравы-рѣки (Подравины), почти ничего о говорахъ Беловарской жупаніи. Очень мало о Туровомъ полѣ и окрестностяхъ города Сиска, и пр. Пробѣлы эти замѣтны также на приложенной картѣ, гдѣ по моему слѣдовало выставить (штрихами или какъ-нибудь иначе) тѣ мѣстности, о которыхъ мы кое-что знаемъ по даннымъ, бывшихъ у автора. Но на картѣ видны еще и другія неточности. Напр. въ нее не внесено Меджимурье въ область Кайкавскаго нарѣчія. Говорится о двухъ жупаніяхъ Крижевецкой и Беловарской, на дѣлѣ же существуетъ только одна, Крижевецко-беловарская. Городъ Сень неправильно названъ Сенья, островъ Кркъ неправильно Крка, мѣсто Мъркопаль передѣлано въ Маркополь и т. д. Многіе исторически важные городишки пропущены, какъ напр. Крапина, Стубица и т. д.

Все, помимо чисто-грамматическаго анализа попавшее въ сочиненіе г-на Лукьяненко, производитъ впечатлѣніе на скорую руку сдѣланной компиляціи, съ нѣкоторыми довольно странными qui pro quo, на что указано въ моей рецензіи. Но общій взглядъ автора относительно положенія занимаемаго Кайкавскимъ нарѣчіемъ въ средѣ южнославянской можно признать вѣрнымъ.

Имѣя въ виду усердіе молодого ученаго, оказавшаго все-же хорошую услугу своимъ сочиненіемъ русскому славяновѣдѣнію, я позволю себѣ выразить желаніе, что для поощренія его къ дальнѣйшей дѣятельности комиссія найдетъ возможнымъ удостоить его если не нѣкоторой доли преміи, такъ по крайней мѣрѣ почетнаго отзыва.

Орд. акад. **И. В. Ягичъ.**

Вѣна, 22 апрѣля 1906.

III.

Я. И. Трусевичъ: „Изборникъ 1905 г.“.

Подлинное заглавіе двухъ выпусковъ разсматриваемаго нами труда, написанное церковно-славянскими и русскими буквами слѣдующее:

л҃	вънпоускъ I:X–XIV II:XV–XVIII в·:	993 г.

Въ заставкѣ изъ Сборника Святослава 1073 г.:

Сводъ

в҃	с҃ξ	1057.

Азбоук

г҃	и образцовъ кириллицы	1073.

Далѣе съ иниціалами изъ извѣстныхъ рукописей и рисунками:

д҃	Изъ снимковъ роукописеи X–XVIII вѣковъ	1118.
е҃	роусско- и юго-славянскихъ.	1220.
ѕ҃	Пособиѥ къ методикѣ ѡпредѣленїа	1360.
з҃	времени написанїа древнихъ рукописеи	1377.
и҃	и по курсамъ	XIV
ѳ҃	Славяно Русской Палеографіи	1409.
і	Состави[л] и҆ и[з]да[л]	1508.
αі	Слꙋша҃е[л] Спб. а[р]хеолог. Ин҃та	1652.
12	і[з] са҃питер бꙋ[р]ха	1703.

Докт. Мед. Як. Трусевичъ.—260 азбукъ образцовъ.—«Изборникъ 1905 г.».

На поляхъ справа обозначены годы рукописей, письму которыхъ подражаетъ та или другая строка заглавія; слѣва (отъ 1 до 12) счетъ рукописей. По словамъ автора, «эта обложка представляетъ собою какъ-бы хрестоматію письменъ за десять вѣковъ общеславянской исторіи» (4-ый столбецъ предисловія).

Слушатель С.-Петербургскаго Археологическаго Института, докторъ медицины Як. Ив. Трусевичъ рѣшилъ восполнить тотъ пробѣлъ славяно-русской палеографіи, который еще при самомъ зарожденіи этой науки у насъ, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, отмѣтилъ извѣстный изслѣдователь нашихъ лѣтописей А. Шлецеръ: «Когда же придетъ время, въ которое Русскіе вздумаютъ составить славянскую палеографію...., соберутъ въ хронологическомъ порядкѣ славянскія азбуки и выгравируютъ азбучную таблицу для каждаго столѣтія особенно». Пожеланіе Шлецера, дѣйствительно, до сихъ поръ еще не было удовлетворено, и несомнѣнно, что появленіе подобной работы было бы желательно и полезно не только для практика-археолога и палеографа, но и при изученіи и преподаваніи соотвѣтственныхъ курсовъ науки древности.

Все это, какъ видно изъ предисловія къ разсматриваемой работѣ, ясно сознавалъ ея авторъ и рѣшилъ восполнить указанный пробѣлъ. Для этого, составивши себѣ библіографическій указатель снимковъ съ разныхъ рукописей и собравши у себя по возможности эти снимки, а чего не удалось пріобрѣсти въ собственность, то пользуясь сокровищами Императорской Публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ, г. Трусевичъ, «обладая опытностью въ черченіи и рисованіи и твердостью въ рукѣ», приступилъ къ переводу азбукъ и рукописныхъ отрывковъ на кальку, а затѣмъ фотохимически на цинкъ, а отсюда съ клише печатнымъ способомъ на бумагу. Такъ явилось два выпуска Изборника, въ листъ, состоящихъ въ общемъ, кромѣ двухъ обложекъ въ каждомъ и двухъ листовъ, по двѣ страницы, предисловій, изъ 10-ти тетрадей, въ каждой по 4 занятыхъ печатью листа, всего

40 печатныхъ таблицъ-страницъ. На 25 таблицахъ даны азбуки изъ 260 (точнѣе 259) памятниковъ X—XVIII в. югославянскихъ и русскихъ, а на остальныхъ 15-ти таблицахъ — цѣлыя строки письма изъ тѣхъ же рукописей.

Общее впечатлѣніе отъ изданія пріятное: исполнено оно на спеціально заказанной (тряпичной и пеньковой) бумагѣ—толстой, прочной, печатано только на одной сторонѣ каждаго листа, не особенно убористо; видимо, авторъ не стѣснялся средствами, которыхъ и при дешевомъ способѣ исполненія (цинкографія) потребовалось немало.

Разсмотримъ работу г. Трусевича въ подробностяхъ.

Какой сводъ азбукъ нуженъ для цѣлей палеографическихъ?

Уже первые изслѣдователи древнихъ русскихъ памятниковъ письма съ чисто палеографическими видами, а также архивисты — для научныхъ и практическихъ цѣлей составляли азбуки тѣхъ или другихъ памятниковъ, въ этомъ случаѣ слѣдуя за своими западными учителями палеографами. Такія азбуки мы имѣемъ, напр., у Оленина (письмо о Тмутороканскомъ камнѣ), Калайдовича (Іоаннъ, экзархъ Болгарскій), Востокова (Остромирово Евангеліе), особенно у Иванова (Сборникъ палеографическихъ снимковъ), Буслаева (Матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ), еп. Саввы (Палеографическіе снимки), Срезневскаго (Славянорусская палеографія) и у др. Причемъ нѣкоторые изслѣдователи (или по ихъ указанію извѣстные художники, какъ Тромонинъ, Шелковниковъ), составляя азбуки по извѣстной рукописи, брали начертанія болѣе всего распространенныя, типичныя, и какъ у таковыхъ, сглаживая даже случайные капризы пера писца или матеріала, на которомъ послѣдній писалъ; вслѣдствіе этого въ такихъ азбукахъ буквы получаютъ нѣсколько идеальный видъ: линіи ровныя безъ случайныхъ шероховатостей, отдѣлка тщательная; сравнивая буквы такой азбуки съ многочисленными ихъ оригиналами, встрѣчающимися въ рукописи, видишь очень близкое сходство, но не можешь сказать, чтобы было полное совпа-

деніе съ отдѣльными экземплярами во всѣхъ мелочахъ. Таковы азбуки, напр., у Буслаева и у Саввы. Такъ же смотрятъ на дѣло, повидимому, и авторы распространенныхъ греческихъ палеографій — Гардтгаузенъ (Griechische Palaeographie, 1879 г., снимки) и Ваттенбахъ (Anleitung zur griechischen Palaeographie[3], 1895, снимки въ разныхъ мѣстахъ). У другихъ изслѣдователей преобладаетъ иной пріемъ: ординарнымъ, такъ сказать, начертаніямъ не придается особаго значенія, но выписываются разные рѣдкіе экземпляры встрѣчающіеся иногда даже одинъ разъ; заурядныя начертанія снимаются съ извѣстныхъ буквъ съ удержаніемъ случайныхъ затековъ чернилъ, уклоненій въ сторону вслѣдствіе неровности пергамента и подобныхъ причинъ. Нерѣдко еще приходится въ этомъ случаѣ считаться съ уклоненіями и дополненіями неопытнаго ксилографа или литографа, воспроизводящаго подобные снимки. Такія азбуки, напр., у Срезневскаго. Г. Трусевичъ по своимъ взглядамъ болѣе примыкаетъ къ Срезневскому, по крайней мѣрѣ не увлекается азбуками у Буслаева и Саввы [1]). Онъ предпочитаетъ мельчайшую точность въ воспроизведеніи отдѣльныхъ буквъ оригинала, къ сожалѣнію не рукописей, а снимковъ, не всегда отличающихся, какъ увидимъ послѣ, точностью. При этомъ предпочтеніе отдается часто не ординарнымъ начертаніямъ, а такимъ, которыя чѣмъ-нибудь выдѣляются изъ обыкновенныхъ типовъ, хотя бы въ нихъ замѣчались случайные росчерки писцовъ и спеціально свойственные отдѣльнымъ лицамъ каллиграфическіе пріемы. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ.

---

1) «Скажу кстати, что я пришелъ къ нѣсколько необычному мнѣнію о достоинствѣ ручныхъ снимковъ азбукъ въ раньше изданныхъ сочиненіяхъ; такъ у Буслаева палеографическая точность азбукъ явно принесена художникомъ въ жертву правильности геометрическихъ очертаній (см. напр. 1220 г. по сравненію съ фотографическимъ, приведеннымъ у меня въ табл. V и на обложкѣ и взятымъ изъ его же прекраснаго снимка).... Про азбуки Срезневскаго можно сказать, что хотя онѣ придерживаются точности контуровъ оригинала, но не всѣ сдѣланы съ одинаковой технической тщательностью» (Предисл. 2-ой столбецъ).

Въ азбукѣ надписи Самуила 993 г. для *г* взято вмѣсто обычнаго г (какое, напр., имѣемъ въ словѣ стаго) болѣе рѣдкое и не типичное *г* (встрѣтившееся въ словѣ полагаж) съ правымъ крючкомъ не перпендикулярнымъ къ основной линіи, а нѣсколько приподнятымъ вверхъ. Или для *ж* взято довольно необычное написаніе ⁎ (8 строка), похожее на греческое χ, перечеркнутое слѣва на право, и совершенно опущено написаніе ⁎ (3 строка), родоначальникъ обычнаго кирилловскаго ж. Для *л* слѣдовало вставить еще типичный знакъ съ короткой лѣвой ножкой, аналогичный по рисунку л, какой встрѣчается, напр., въ словѣ (нн)кола. Для юса малаго вмѣсто обычнаго м (нма) взята болѣе рѣдкая форма м съ росчеркомъ вверху. Еще слѣдуетъ отмѣтить, что въ той же азбукѣ опущены, хотя и единичные, но очень важные въ палеографическомъ отношеніи знаки — для *и*, напоминающій скорописное греческое ν (нмена), и для *ъ* знакъ ъ (памать), подтверждающій гипотезу о происхожденіи его изъ ѣ.

Въ азбукѣ Остромирова Евангелія третій экземпляръ а, съ крючкомъ вверху влѣво, вѣроятно, взятъ или изъ заглявнаго письма, принадлежащаго рукѣ рисовальщика, или же это а = м, какъ въ извѣстномъ случаѣ изъ послѣсловія — правлмашє. Д мелкаго письма взято не характерное. К вышло не типично: слишкомъ приближена правая часть къ лѣвой. О мелкаго почерка, переправлено изъ какой-то другой буквы и поэтому недостаточно округлое, напрасно вошло въ образцы (Къ оно).

Азбука XIII словъ Григорія Богослова XI вѣка составлена Будиловичемъ (Изслѣдованіе языка древнеславянскаго перевода XIII словъ Гр. Богослова, Спб. 1871, снимки); оттуда она взята и г. Трусевичемъ; но у Будиловича *ѣ* переправленное въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ *а*, стоитъ при *ѣ*, а въ разсматриваемомъ сборникѣ оно при *а*. Для *л* взятъ не слишкомъ типичный образецъ.

Въ азбукѣ Псалтыри 1296 года оба *а* представляютъ худшіе экземпляры, встрѣчающіеся въ снимкѣ, напр., приведенномъ у меня; отчего было не взять тѣхъ обычныхъ хорошихъ *а*, какія

имѣемъ въ названномъ снимкѣ въ словахъ та? а? Типично стилизованы написанія этой псалтыри Шелковниковымъ въ книгѣ Буслаева (№ 4), откуда и слѣдовало г. Трусевичу заимствовать всю азбуку.

Составителю «Изборника», конечно, нельзя было умолчать и о разныхъ рѣдкихъ случаяхъ въ написаніи тѣхъ или другихъ буквъ, свойственныхъ данному памятнику, но всѣ такіе случаи нужно оговаривать, поставивши ихъ въ таблицахъ или въ особомъ мѣстѣ, напр., въ концѣ, гдѣ у г. Трусевича diversa, или и на своемъ мѣстѣ (что лучше), но въ скобкахъ. Тогда каждому будетъ ясно, какое основное типичное написаніе, и въ чемъ сказываются случайные каллиграфическіе пріемы, часто капризы писца, свойства пера и бумаги и разныхъ другихъ обстоятельствъ (особенно широкія и узкія буквы, а также выносныя въ концѣ строкъ).

«Въ моихъ азбукахъ, говоритъ авторъ, многія буквы стоятъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, что особенно относится къ буквамъ кардинальнаго палеографическаго значенія» (Предисл. 2-ой столбецъ). По нѣскольку основныхъ начертаній, конечно, возможно встрѣтить въ рукописи, но желательно, чтобы въ такихъ случаяхъ рядомъ съ общераспространенными написаніями не стояли уники (напр. ꙋ въ мелкомъ письмѣ Остромирова Евангелія, или оу въ Сборникѣ 1073 г., или ѹ въ Сборникѣ 1076 г.). Разнообразіе начертаній безусловно обязательно въ тѣхъ случаяхъ, когда приводится азбука памятника, относительно котораго документально (напр., изъ приписокъ) извѣстно, что онъ трудъ нѣсколькихъ писцовъ. Къ сожалѣнію, это обстоятельство не принималось въ разсчетъ г. Трусевичемъ, отчасти по не зависящимъ отъ него причинамъ, такъ какъ иногда не бывало снимковъ со всѣхъ почерковъ. Таковы, напр., должны быть азбуки, составленныя по снимкамъ съ Рязанской Кормчей 1284 г., которую писали 5 писцовъ, и съ многихъ другихъ памятниковъ (см. нашъ «Очеркъ славянской кирилловской палеографіи», 276).

Доселѣ мы говорили о желательныхъ азбукахъ отдѣльныхъ памятниковъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Но какъ же быть съ желаніемъ «выгравировать азбучную таблицу для каждаго столѣтія особенно»? Мнѣ кажется, что когда-либо явится возможность до нѣкоторой степени удовлетворить и подобному желанію, но теперь этого еще нельзя сдѣлать. Конечно, въ азбукахъ по столѣтіямъ буквы должны быть не въ одномъ экземплярѣ, а въ нѣсколькихъ. Столѣтіе само по себѣ большой промежутокъ, на которомъ могло явиться нѣсколько школъ письма, писцы могли быть съ разной подготовкой, нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ церковнославянскаго письма, могли знать и другое, напр., греческое или латинское; одни учились писать по рукописнымъ книгамъ литургическаго характера, другіе по юридическимъ памятникамъ; бывалъ, наконецъ, и разный матеріалъ письма: все это сказывалось на значительномъ разнообразіи почерковъ въ теченіе даже одного столѣтія. Отсюда въ такихъ идеальныхъ азбукахъ по столѣтіямъ должны быть представители каждой школы на югѣ славянства и у насъ, письма крупнаго, средняго и мелкаго. Работа г. Трусевича въ этомъ отношеніи даетъ богатый наглядный матеріалъ для обобщающихъ выводовъ, такъ какъ, напр., тѣ сводныя по столѣтіямъ азбуки, какія находимъ у Иванова (исполненныя очень плохо литографскимъ способомъ) или у Срезневскаго, носятъ характеръ случайный и далеки отъ совершенства.

Но можно ли ограничиться для цѣлей палеографическихъ только сводомъ азбукъ?

Уже въ древнѣйшемъ уставномъ письмѣ нѣкоторыя отдѣльныя буквы имѣютъ свое палеографическое значеніе, такъ сказать, только въ своей строкѣ; напр., ѣ древнѣйшихъ памятниковъ XI вѣка и слѣдующихъ столѣтій по начертанію сходно, но отличается по своему положенію въ строкѣ: у памятниковъ самыхъ древнихъ основная вертикальная его линія не поднимается выше строки; или ц въ нѣкоторыхъ югославянскихъ памятникахъ (въ

Супрасльской рукописи, Листкахъ Ундольскаго) все помѣщается въ строкѣ, не выдвигая своего хвоста внизъ подъ строку; є и ѳ въ памятникахъ полууставныхъ выдвигаются подъ строку. Если перейдемъ въ скоропись, то замѣтимъ тутъ у нѣкоторыхъ школъ письма большую склонность писать извѣстныя буквы очень размашисто, выдвигая части изъ строки вверхъ и внизъ, а нѣкоторыя буквы взметывать надъ строкой. Для палеографа уже въ древнѣйшихъ рукописяхъ интересно разстояніе между отдѣльными буквами въ словѣ и между цѣлыми словами; особенно усиливается этотъ интересъ опять-таки въ скорописи, когда однѣ школы письма совершенно или отчасти не соединяютъ буквъ между собою, а другіе проявляютъ большую склонность къ связному письму; лигатуры между буквами, стоящими въ строкахъ, а въ скорописи между строчными буквами и надстрочными взметываніями; наконецъ, общее впечатлѣніе отъ записанной страницы, —все это не можетъ быть передано въ отдѣльныхъ азбукахъ. Ясно, что въ такія азбуки должны быть внесены цѣлые слоги и даже слова (какъ поступастъ, напр., Гардтгаузенъ въ своихъ таблицахъ греческаго письма) или, что лучше, къ азбукахъ должны быть приложены небольшіе образцы письма. Пользу образцовъ въ указанномъ смыслѣ понималъ и нашъ авторъ, говоря про свое изданіе, что разрѣшеніе намѣченной имъ задачи облегчается, «если такой сводъ алфавитовъ сопровождается сборникомъ снимковъ съ самыхъ рукописей» (Предисл. 1-ый столбецъ). Онъ старался, какъ мы уже говорили, выполнить свою задачу и на дѣлѣ, приложивъ и образцы письма.

Не касаясь пока вопроса объ источникахъ, которыми пользовался авторъ, и способовъ воспроизведенія снимковъ, отмѣтимъ, что общее впечатлѣніе отъ «Свода образцовъ кириллицы» менѣе пріятное, чѣмъ отъ свода азбукъ. Г. Трусевичъ рѣшилъ слишкомъ компактно издать сводъ образцовъ, вслѣдствіе чего часто довольствуется одной строчкой оригинала, чего и мало, да и не представляется возможности судить о разстояніи между строками; мѣсто, отпущенное для снимковъ, слишкомъ узко, почему очень

часто строки рукописей не помѣщаются полностью, а приходится переносить ихъ концы; одинъ снимокъ напираетъ на другой. Всего этого можно было избѣжать, помѣстивъ справа только годъ и № азбуки, а свѣдѣнія о рукописяхъ относя хотя бы къ тому указателю, который имѣется при предисловіи ко второму выпуску.

Такимъ образомъ по замыслу работа г. Трусевича удовлетворяетъ научнымъ интересамъ и практическимъ потребностямъ.

Какъ выполнена разсматриваемая работа?

Собравъ снимки съ разныхъ рукописей, г. Трусевичъ прежде всего воспользовался нѣкоторыми готовыми азбуками, напр., помѣщенными у Срезневскаго, еп. Саввы, лишь дополняя и перерабатывая ихъ при случаѣ; для другихъ же памятниковъ (больше 200 №№) самъ составилъ эти азбуки по имѣвшимся снимкамъ. Добросовѣстный авторъ предвидитъ то возраженіе, какое могутъ ему сдѣлать за пользованіе снимками, а не рукописями, и старается привести въ свою пользу оправдывающія обстоятельства и соображенія.

По нашему мнѣнію, однако всѣ оправданія не настолько серьезны, чтобы устранить важный упрекъ по адресу автора. Имѣли бы еще нѣкоторое значеніе эти оправданія, если бы авторъ жилъ гдѣ-либо въ провинціальномъ городѣ, вдали отъ рукописныхъ собраній, или не имѣлъ бы средствъ посѣтить столичные города; а г. Трусевичъ живетъ въ самомъ С.-Петербургѣ, гдѣ въ библіотекахъ скоплено такое количество рукописей разнаго времени; гдѣ пользованіе рукописнымъ матеріаломъ такъ легко для каждаго занимающагося научнымъ образомъ; въ Москву рукой подать. Конечно, никто не сталъ бы настаивать, чтобы авторъ изъ за своихъ азбукъ пропутешествовалъ въ Парижъ, Болонью, Гентъ, Вѣну, Прагу, Бѣлградъ, Софію и др. отдаленные города; но пользоваться снимками вмѣсто рукописей, находящихся, такъ сказать подъ рукой, непростительно. Не извинительно это особенно для г. Трусевича, который обладая искусствомъ прекрасно, до фотографической точности, снимать на кальку, дѣйствительно,

могъ бы обогатить палеографію научными вкладами. Нельзя отрицать, что иногда снимки въ цѣляхъ, преслѣдуемыхъ г. Трусевичемъ, могутъ замѣнить рукопись; таковы нѣкоторыя изданія С.-Петербургскаго Археологическаго Института, напр., «Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ, преимущественно XIV вѣка. Подъ редакціей А. И. Соболевскаго и С. Л. Пташицкаго» (Спб. 1903), или «Новый сборникъ палеографическихъ снимковъ съ русскихъ рукописей XI—XVIII вв. подъ редакціей А. И. Соболевскаго» (Спб. 1906), или снимки при нѣкоторыхъ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ. Но много ли мы имѣемъ такихъ хорошихъ изданій? Да, наконецъ, какъ обойти тотъ общеизвѣстный для лицъ, пользующихся рукописями и снимками, фактъ, что даже въ фотографическихъ и фототипическихъ воспроизведеніяхъ, не говоря уже о литографскихъ снимкахъ, встрѣчаются ошибки и подчасъ грубыя, объясняемыя невѣжествомъ ретушеровъ и литографскихъ корректоровъ. Вспомнимъ замѣчанія А. А. Шахматова въ Archiv'ѣ für slavische Philologie, VII, объ изданіи Сборника Святослава 1073 г., или слова инженера А. Папенгута въ предисловіи къ снимкамъ изданнаго имъ курса югославянской палеографіи проф. П. А. Лаврова (Спб. 1904), или поправки проф. П. А. Лаврова въ Предисловіи (стр. 2) къ изданнымъ С.-Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ «Палеографическимъ снимкамъ съ югославянскихъ рукописей болгарскаго и сербскаго письма» (1905). Это относительно новѣйшихъ изданій; если же возьмемъ болѣе старыя, то тамъ точности еще меньше. Припомнимъ поправки къ изданію Сильвестра извѣстнаго Реймскаго Евангелія, сдѣланныя въ свое время Филимоновымъ (Вѣстникъ Общества древне-русскаго искусства при Моск. Публ. музеѣ, 1874, вып. 4—5, стр. 25—27) и Лосемъ (Archiv für slav. Philologie, IX, 478 sq.), несомнѣнныя въ настоящее время для всякаго послѣ прекраснаго изданія проф. Луи Леже (Prague, 1899). Недостатки разныхъ старыхъ снимковъ съ грамотъ указаны мною въ статьѣ «Къ вопросу объ изданіи снимковъ съ древнѣйшихъ

русскихъ грамотъ» (Варш. Университ. Извѣстія 1904 — IV). Разсматривая пособія г. Трусевича, особенно для «образцовъ», видимъ, что онъ пользовался даже такими изданіями, какъ Сахарова (Образцы древней письменности) и Амфилохія (Описаніе Евангелія 1092 г.), а для азбукъ бралъ матеріалы изъ «Славяно-русской палеографіи» И. Срезневскаго, не смотря на то, что азбуки тамъ исполнены крайне плохо. Такъ, подъ № 5-ымъ дана азбука Архангельскаго Евангелія 1092 г., причемъ буквы взяты изъ снимковъ Амфилохія, изъ обѣихъ его таблицъ; оттуда же и строчка въ приложеніи (л. 69 об.). Кстати, отчего взяты азбуки и образецъ письма только перваго почерка? И азбука Пандектовъ Антіоха XI в. (№ 14), повидимому, составлена по очень скверному снимку Амфилохія (Снимки съ рукописей Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки), или другому подобному изданію, между тѣмъ какъ тотъ же снимокъ, воспроизведенный фотографически, имѣется въ атласѣ Срезневскаго изданія 1898 г. Въ послѣднемъ между прочимъ ж вездѣ въ 3 пріема, а не въ 5; м и р нѣсколько иного рисунка. Странно заимствовать азбуку и снимки грамоты 1284 г. (№ 66) изъ плохого Сахаровскаго литографскаго воспроизведенія, когда имѣется прекрасное изданіе ея въ снимкахъ, изданныхъ подъ редакціей Соболевскаго и Пташицкаго (№ 35). То же слѣдуетъ сказать и относительно грамоты 1375 г. (№ 109): азбуку и строку снимка слѣдовало взять не у Сахарова (№ 16), а у Соболевскаго и Пташицкаго (№ 4). Въ настоящее время эта грамота хранится въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ.

Да могутъ ли даже самые лучшіе снимки замѣнить рукопись для цѣлей, подобныхъ взятой на себя г. Трусевичемъ? Конечно, если вся рукопись воспроизведена хорошо, какъ напр. Мирославово (Мирослављево јеванђеље. 1897. У Бечу) или Реймское Евангеліе (въ изданіи 1899 г.), тогда можно и не обращаться къ рукописи; но въ другихъ случаяхъ это крайне необходимо. Снимки, особенно прежніе, обыкновенно воспроизводятъ однудвѣ страницы рукописи; между тѣмъ а) рукопись бываетъ не-

рѣдко писана нѣсколькими писцами, или по крайней мѣрѣ нѣсколькими почерками; ясно, что удовольствоваться однимъ-двумя снимками съ такихъ рукописей нельзя, является необходимость детальнаго изученія памятника или по крайней мѣрѣ ознакомленія съ изслѣдованіями его, если таковыя имѣются. б) Трудно бываетъ выбрать для снимка такую страницу, въ техническомъ отношеніи удобную для воспроизведенія, на которой встрѣчались бы всѣ буквы, притомъ въ обычной распространенной формѣ. Отсюда и выходитъ, что составленныя по снимкамъ азбуки г. Трусевича не отличаются нужной полностью, напр. у него даже въ азбукѣ Остромирова Евангелія нѣтъ среднихъ буквъ, употребленныхъ для надписаній евангельскихъ чтеній; нѣтъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ обычныхъ буквъ въ азбукѣ Мирославова Евангелія, такъ какъ авторъ пользовался небольшимъ снимкомъ помѣщеннымъ у меня съ другими цѣлями (изъ-за миніатюры, изображающей способъ письма—на колѣняхъ лежитъ тетрадь), не обративъ вниманіе на то, что снимокъ всего Евангелія (не поступавшій въ продажу) имѣется въ Императорской Публичной библіотекѣ, гдѣ хранится даже и часть рукописи. То же видимъ въ азбукѣ Хиландарскихъ листковъ XI вѣка (№ 10), въ которой отсутствуютъ, напр., ш, ѱ, имѣющіяся въ оригиналѣ и въ полномъ снимкѣ въ изданіи С. М. Кульбакина, но не встрѣчающіяся въ маленькомъ отрывкѣ, приведенномъ у меня. Также въ азбукѣ Бдинскаго сборника 1360 года (№ 104) даны только тѣ начертанія, которыя можно встрѣтить въ моемъ воспроизведеніи, тогда какъ ихъ значительно больше въ извѣстномъ изданіи Общества Любителей Древней Письменности. Въ азбукѣ Евангелія 1589 г. (№ 223) недостаетъ очень распространенныхъ буквъ (*ж*, *у*, *щ*), что совершенно непростительно: если этихъ буквъ не оказалось на снимкѣ, то вѣдь эта рукопись въ С.-Петербургѣ, и справиться было бы не трудно.

И не только на азбукахъ непосредственное обращеніе къ рукописямъ сказалось бы благотворительнымъ оброзомъ, оно способствовало бы и лучшему подбору типичныхъ «образцовъ»

для приложеній къ азбукамъ. Правда, дѣло исполненія «Изборника» значительно затянулось бы, но для науки отъ этого былъ бы только выигрышъ.

Прежде чѣмъ приступить къ составленію азбукъ, нужно было рѣшить, какія рукописи привлечь для этого, или—какъ въ данномъ случаѣ—изъ снимковъ съ какихъ рукописей заимствовать эти азбуки. Г. Трусевичъ стоялъ на правильной точкѣ зрѣнія въ этомъ отношеніи: онъ предпочитаетъ рукописи датированныя или такія, относительно времени написанія которыхъ нѣтъ противорѣчій во взглядахъ. Но однѣхъ датированныхъ рукописей, считая въ томъ числѣ и грамоты, въ предѣлахъ, намѣченныхъ нашимъ авторомъ (X—XVIII вѣкъ), цѣлыя сотни, и выбрать изъ всѣхъ ихъ азбуки нѣтъ и физической возможности не только для одного лица, но даже для нѣсколькихъ; поэтому число ихъ пришлось значительно сократить. Авторъ ограничилъ себя уже тѣмъ, что взялъ только тѣ рукописи, съ которыхъ имѣются снимки. Но и при этомъ условіи получилось бы очень много азбукъ, поэтому онъ старался выбрать болѣе типичныя рукописи, причемъ счелъ нужнымъ (и противъ этого ничего нельзя возразить) привлечь и нѣкоторыя не датированныя рукописи, точнѣе—снимки съ нихъ. Однако и въ собранныхъ азбукахъ съ 260 (вѣрнѣе—259) рукописей безъ вреда для дѣла можно бы произвести нѣкоторыя сокращенія. Такъ я бы выпустилъ Туровское Евангеліе XI в. (№ 17), Чудовскую Псалтырь XI в. (№ 19), Стихирарь Толстого XI—XII в. (№ 22), поученія Ефрема Сирина (№ 67) въ виду разногласій въ опредѣленіи года написанія этой рукописи и соображеній, которыя можно привести въ ту и другую стороны (ср. нашъ «Очеркъ славянской кирилловской палеографіи», 464—465); дальше, можно бы не помѣщать азбукъ изъ Требника Шереметева XIV вѣка (№ 135), Русской Правды XV вѣка (№ 189) и нѣкоторыхъ другихъ нетипичныхъ рукописей. Никоимъ образомъ нельзя помѣщать двухъ азбукъ, вмѣсто одной, подъ №№ 55 и 64, взятыхъ изъ Пролога Никольскаго Единовѣрческаго монастыря 1262 г. Пользуясь снимками, а не оригиналами, г. Трусевичъ

одну и ту же рукопись съ неправильно прочитанной датой принялъ за двѣ. Въ оригиналѣ дата читается: «Къ лѣ ѕ. ѱ҃. с҃.» Въ недописанной послѣдней буквѣ, означающей десятки или единицы (такъ какъ сотни уже обозначены посредствомъ ѱ), можно видѣть є, о или даже ҫ; отсюда годы 1197, 1262, 1282. Срезневскій устанавливаетъ 1262 годъ, и нѣтъ основанія его не принять.

Съ другой стороны, для скорописи—разъ и о ней идетъ рѣчь—пришлось бы внести и кое-что лишнее: въ азбукахъ я не встрѣтилъ совсѣмъ югославянской скорописи, хотя снимки съ нея кое-гдѣ можно найти даже въ Archiv'ѣ Ягича и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ; югозападнорусская скоропись представлена далеко не во всѣхъ своихъ разновидностяхъ, хотя бы въ такихъ размѣрахъ, какъ это имѣется у Камапина.

Собранные образцы азбукъ разнообразныхъ видовъ кириллицы расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Для этого, конечно, основаніе было. Югъ и Востокъ славянства всегда были въ тѣсномъ общеніи между собою, и письменность однихъ постоянно вліяла па письменность другихъ. Однако, если присмотрѣться къ памятникамъ всѣхъ трехъ родовъ письма югославянскаго и русскаго, то сразу бросаетя въ глаза разница между ними; есть замѣтное различіе между письмомъ сербовъ (особенно босанскимъ) и болгаръ; памятники молдаво-валашскіе также имѣютъ свой отпечатокъ. Даже на Руси—полуставъ юго- и западнорусскій отличается отъ московскаго; а если перейти къ скорописи, то тутъ разница громадная. Пояснимъ сказанное примѣрами. Возьмемъ, съ одной стороны, Листки Ундольскаго, Охридскій и Слѣпченскій Апостолы, Добромирово Евангеліе, или памятники босанскаго письма (Мирославово Евангеліе, Григоровичево Ев. №1693, Манойлово Ев.), и—съ другой стороны—памятники соотвѣтствующаго времени русскаго письма. Какая огромная разница! Чтобы нагляднѣе представить всѣ эти виды письма и изобразить генетическую связь и преемственность въ развитіи тѣхъ или другихъ начертаній, лучше было бы расположить памятники по ука-

заннымъ рубрикамъ, придерживаясь основныхъ схемъ (уставъ, полууставъ, скоропись) и хронологическаго порядка въ каждомъ отдѣлѣ. Мелкихъ дроблений здѣсь, конечно, можно было бы и избѣгнуть, не касаться, напр., отдѣльныхъ школъ письма, хотя и въ этомъ отношеніи кое-что можно бы сдѣлать, напр., установить нѣкоторую разницу между древнѣйшимъ юридическимъ письмомъ и письмомъ книгъ. Приложенный къ предисловію 2-го выпуска указатель мало помогаетъ дѣлу, такъ какъ пришлось бы для удобства пользованія порѣзать весь «Изборникъ» и наклеить въ другомъ порядкѣ.

Намѣтивши систему въ расположеніи азбукъ, автору естественно слѣдовало рѣшить вопросъ, въ какомъ порядкѣ нужно расположить буквы каждой азбуки. «При расположеніи буквъ въ отдѣльныхъ графикахъ, говоритъ авторъ, я придерживался порядка, указаннаго въ азбукахъ соч. Буслаева (а по немъ и у еп. Саввы), гдѣ іотированное слав. *а* стоитъ въ ряду съ обоими юсами, и іотир. *е* послѣ *ъ* (т. е. порядка по звуку, а не по происхожденію, что нельзя считать вполнѣ правильнымъ въ этомъ случаѣ)». Но тутъ нѣсколько недоразумѣній: а) у Буслаева азбуки расположены не по одной системѣ, часто безъ всякой системы (ср. 3-ья азбука), отчего мало ущерба, такъ какъ у него буквы идутъ не въ вертикальномъ порядкѣ (сверху внизъ), а въ горизонтальномъ. Напр., у него только въ 1, 5 и 7-ой азбукахъ ѡ стоитъ при о, въ другихъ же оно на своемъ мѣстѣ; также и ѫ въ однѣхъ азбукахъ (1 и 3) передъ юсами, какъ и всегда, въ другихъ въ перемежку съ ними; б) Буслаевъ касается только памятниковъ русскаго письма, въ которыхъ дѣйствительно ѫ и ѧ, а можетъ быть ѥ и ѣ въ извѣстныхъ случаяхъ по звуку совпадали; но г. Трусевичъ приводитъ азбуки и югославянскихъ памятниковъ, гдѣ такихъ совпаденій не было; в) наконецъ палеографія главнымъ образомъ разсматриваетъ письмо, видоизмѣненіе по вѣкамъ разныхъ написаній; вслѣдствіе этого въ таблицахъ тѣ или другія написанія, передающія сходные звуки, никакъ

нельзя групировать вмѣстѣ. А между тѣмъ у г. Трусевича мы находимъ слѣдующее:

α) рядомъ съ о вездѣ ѡ, но его лигатура съ ⁻ — ѿ — помѣщается въ другой строкѣ (послѣ х). При ѿ иногда ставится ѻ̄ (азбука № 3 и 150) и ô, ѻ̄ (№№ 26, 218, 234, 246 и 253), какъ что-то особенное.

β) При щ почему-то пишется шт, хотя и ш и т въ отдѣльности имѣются на своихъ мѣстахъ.

γ) Юсы ѫ и ѧ помѣщаются въ одной строкѣ и послѣ нихъ ставится даже ꙗ, ничего общаго съ ними не имѣющее.

δ) Съ другой стороны, если держаться точки зрѣнія г. Трусевича и располагать группами буквы, сходныя по звуку, то слѣдовало бы ѯ и ꙁ поставить въ графѣ ѕ, а не ꙁ.

Изъ сказаннаго естественный выводъ, что единственно-правильнымъ расположеніемъ азбукъ было бы такое, какое принято въ ц.-славянскихъ грамматикахъ и словаряхъ.

«Въ послѣдней строчкѣ, которую можно назвать отдѣломъ diversa, говоритъ авторъ, сверхъ примѣровъ сложныхъ буквъ, знаковъ препинанія, титлъ, музыкальныхъ крючковъ, помѣщены буквы и цѣлыя слова въ качествѣ особенностей данной рукописи, могущихъ имѣть интересъ для ороографіи и для слависта вообще» (Предисл. 2-ой столб.). Противъ исполненія этого желанія никто не станетъ возражать; но тогда его дѣйствительно надо исполнить, а не довольствоваться случайными экземплярами, подвернувшимися подъ руку автора. Въ такомъ видѣ, какъ это дѣло представлено теперь, оно принесетъ только вредъ пользующемуся «Изборникомъ», такъ какъ неспеціалистъ подумаетъ, напр., что въ Остромировомъ Евангеліи только и есть лигатуръ, что ѵ҃ = ѵг, а между тѣмъ мы имѣемъ тамъ еще ꙗ҃ = гн, ѫ = ав (лл. 95 б, 197); то же и относительно знаковъ препинанія въ Остр. Евангеліи: пропущены ·, :, ⁘, (⁘), ⁘ и др. Въ другихъ памятникахъ дѣло обстоитъ еще хуже: тамъ лигатуръ много, а между тѣмъ въ «Изборникѣ» приводится ихъ по двѣ по три. То же слѣдуетъ сказать и относительно нотныхъ знаковъ. Думаю, что са-

мымъ подходящимъ въ послѣдней свободной строкѣ было бы помѣщать тѣ рѣдкія буквы, больше уники, для которыхъ не мѣсто рядомъ съ обычными начертаніями. Слѣдовало бы найти особое мѣсто и для выносныхъ подъ строку буквъ, съ покрытіемъ или безъ него, а также для титлъ; буквенныя титла въ полууставѣ и скорописи имѣютъ, въ сравненіи со строчными буквами, особую форму. На нихъ въ «Изборникѣ» обращено мало вниманія, по крайней мѣрѣ эти написанія не приводятся систематически. Я сравнилъ надстрочные знаки Псалтыри XVI в. (№ 229), приведенные у меня на снимкахъ и у г. Трусевича, и многихъ не нашелъ въ «Изборникѣ», даже характерныхъ.

Напрасно въ азбукахъ нѣкоторыя начертанія приводятся съ подстрочными и надстрочными знаками, напр. ҂ѕ, ѕ҃ (очень часто): вѣдь въ роли числительныхъ могутъ быть и многія другія буквы, а онѣ въ азбукахъ даны безъ этихъ знаковъ.

Безъ достаточнаго основанія введено въ азбуку поставленное при ч начертаніе ч҃, ч҃, обозначающее 90; мѣсто ему скорѣе въ diversa.

Что касается технической стороны выполненія разсматриваемой работы, то г. Трусевичъ избралъ самый легкій и дешевый способъ—цинкографію. Для точнаго воспроизведенія азбукъ, хорошо приготовленныхъ на калькѣ, это въ настоящее время единственный надежный способъ, такъ какъ литографское воспроизведеніе всегда будетъ менѣе точно, нежели хорошая цинкографія. Я провѣрялъ разныя буквы «Изборника» и сравнивалъ съ тѣми образцами, изъ которыхъ онѣ взяты: сходство поразительное, воспроизведены даже всѣ изьяны.

И «образцы» воспроизведены цинкографіей, хотя можно было примѣнить и другіе способы; и они передаютъ свои «оригиналы» очень точно; встрѣчающіяся отступленія весьма незначительны.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній касательно азбукъ и образцовъ.

№ 2, приложеніе. Дѣлая выписки изъ рукописей, нужно указывать листъ, такъ какъ могутъ возникнуть разныя недоразумѣнія. Приведенное въ образцахъ мѣсто:

ѥго · ꙗкоосѫди
шаи · праскаꙗ

взято съ листа 196, но оно же встрѣчается и на листѣ 184 об. нѣсколько въ иномъ видѣ:

ѥгоꙗкоо
сѫдишаи·ра
скаꙗ. . . .

Если не сообразить, что этотъ отрывокъ можетъ быть и въ другомъ мѣстѣ, то на г. Трусевича можно взвалить напрасное обвиненіе въ неточной передачѣ текста рукописи. Кстати въ «Изборникѣ» послѣ ѥго опущена точка. Приведенный отрывокъ мало характеренъ. въ немъ нѣтъ ѣ, ц и подобныхъ буквъ.

№ 3, приложеніе. И изъ Сборника 1073 г. взяты несовсѣмъ удачные снимки. Отъ К имѣется только крючекъ; въ 2-ой строкѣ почему-то воспроизведена только часть строки л. 61 α, притомъ безъ надстрочныхъ знаковъ; 3-ья строка, примыкающаяся здѣсь къ снимку изъ Сборника 1076 г., изъ середины л. 10 δ, но тутъ ничего характернаго нѣтъ.

№ 4, азбука. Къ чему помѣщать въ азбукѣ орнаментированное а? Тогда пришлось бы и изъ другихъ памятниковъ приводить подобныя буквы.

№ 9, азбука. Второе *е* со своими угловатостями (почти е) объясняется недоразумѣніемъ: къ нему присоединенъ хвостъ ꙁ, стоящей надъ нимъ въ верхней строчкѣ. *Ж* въ пять пріемовъ въ рукописи отсутствуетъ. У меня въ «Очеркѣ палеографіи» реставраторъ нѣсколько измѣнилъ оригиналъ (въ словахъ ѡнъ же рєчє). Правильно воспроизведены эти мѣста въ академическомъ фототи-

пическомъ изданіи памятника [1]). По указаннымъ причинамъ приведенныя въ приложеніи двѣ строки текста оказываются неудачными.

№ 10, приложеніе. Отрывокъ текста составленъ странно; въ концѣ читаемъ: || абопольѕѣ вмѣсто каа̀бопо̀льѕѣ оригинала.

№ 12, азбука Супрасльской рукописи. Къ чему значки надъ о, ѡ, ь, ю, ѭ и нѣкоторыми другими буквами? Въ рукописи извѣстные знаки ставятся по нѣкоторой системѣ, но не всегда. Помѣщенное въ внизу графы мѣсѧца воспроизведено очень плохо.

26, азбука. Напрасно при воспроизведеніи буквъ Юрьевской Мстиславовой грамоты перерисованы изъ плохого изданія грамоты и линейки, на которыхъ стоятъ буквы: лица, незнакомыя съ памятникомъ, разсматривая на снимкѣ г. Трусевича, напр., р, ѵ, х, въ горизонтальныхъ росчеркахъ посрединѣ ихъ могутъ усмотрѣть характерныя принадлежности буквъ, которыхъ у нихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

№№ 38, 41, 42 и др., азбуки. Не понимаю, зачѣмъ въ памятникахъ сербской редакціи на мѣстѣ ъ, не встрѣчающагося въ нихъ, писать въ скобкахъ ь, на мѣстѣ ѧ—є (Волканово Евангеліе): вѣдь здѣсь идетъ рѣчь объ измѣненіи написаній, а не звуковъ.

№ 53, приложеніе. Въ выдержкѣ изъ Пантелеймонова Евангелія соединены двѣ строки въ одну, вслѣдствіе чего получается неправильное представленіе о форматѣ рукописи.

№ 69, приложеніе. Образца текста не приведено и сдѣлано замѣчаніе «снимка рукописи не было». А у еп. Саввы на таблицѣ к҃д?

№ 81. Грамота до 1301 года. Азбука и снимокъ двухъ строкъ взяты изъ изданія Сахарова (табл. VII № 8) съ отмѣткой «Рижскій Архивъ». Между тѣмъ эта грамота сохранилась въ

---

1) Памятники старославянскаго языка. Томъ I, вып. 3-й. Листки Ундольскаго, отрывокъ кирилловскаго Евангеліи XI вѣка. Фототипическое воспроизведеніе текста и изслѣдованіе письма и языка, составленное Е. Ѳ. Карскимъ. Спб. 1904.

двухъ экземплярахъ: въ Рижск. Городскомъ Архивѣ и Московскомъ Публичномъ и Рум. муз. Снимокъ съ рижскаго экземпляра у Напіерскаго (IX), а съ московскаго у Сахарова, причемъ послѣдній переснималъ не съ оригинала, а съ воспроизведенія грамоты у Шлецера (ср. наше: «Къ вопросу объ изданіи снимковъ съ древнѣйшихъ русскихъ грамотъ»).

№№ 86—89, приложеніе. Приведенный подъ № 86-мъ отрывокъ: **ꙗко бл҃годатель**.... принадлежитъ не Поликарпову Евангелію, а заимствованъ изъ Цвѣтной Тріоди 1311 г. (ср. Савва, т. **к҃о**).

Приведенный подъ № 87-мъ отрывокъ: **дъ ними**.... заимствованъ не изъ Апостола 1307 г., а изъ Поликарпова Ев. 1307 г. (ср. у Буслаева, табл. XIII).

При Апостолѣ 1309 г. (№ 88) приведенъ отрывокъ изъ Апостола 1307 г. (ср. еп. Савва, табл. **к҃и**).

При Тріоди 1311 г. (№ 89) отрывокъ: **ко сн**.... изъ Апостола 1309 г. (ср. еп. Савва, табл. **к҃и**).

Но азбуки №№ 86—89 не спутаны

№ 93. Фамилія извѣстнаго слависта Яцимирскій, а не Яцимирскій.

№ 94, приложеніе. Снимокъ двухъ строкъ Пролога 1339 года сдѣланъ болѣе жирнымъ письмомъ, чѣмъ въ оригиналѣ, и не соотвѣтствуетъ тому почерку, какой данъ у Погодина (2 тетрадь, листъ 5); даже у Лаврова (л. 29) буквы тоньше, хотя снимокъ исполненъ литографіей.

№ 125. Октоихъ Ник. Единов. м-ря, б. Хлудова. Въ виду не несомнѣнности въ опредѣленіи года написанія рукописи, лучше и не вносить ее въ книгу, которая должна служить руководствомъ при опредѣленіи времени написанія другихъ не датированныхъ рукописей. Что брошюра арх. Амфилохія «съ 1874 г. остается (въ Имп. Публ. б.) неразрѣзанной», это не значитъ, что никто не знакомъ съ ея содержаніемъ по другимъ экземплярамъ.

№ 149. Ветхій Завѣтъ Новороссійскаго университета № 4 (30) Григоров. Странно, что г. Трусевичъ опредѣляетъ годъ

написанія этой рукописи 1416, а не 1418, какъ у Попруженка (Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV в. «Книги Царствъ», 3) или у меня. Вѣдь въ припискѣ къ рукописи ясно сказано: «Писа се сїа книга... вь лѣто шестотысоущьно, ц. ks», что равно 1418. Кстати, сама книга писана болѣе крупнымъ почеркомъ, нежели приписка, по которой составлена азбука «Изборника».

№ 159, приложеніе. Трансскрипція д. б. василеи, а не василей.

№ 164, приложеніе. Въ трансскрипціи пропущено «с тобою».

№ 166, приложеніе. Въ снимкѣ вмѣсто сеи д. б. сеи.

№ 170, приложеніе. Трансскрипція вм. «А *случится*» д. б. «'А *лучится*».

№ 179, приложеніе. Трапсскр. вм. «со восю», вѣроятно, слѣдуетъ читать «с'своею». Знакъ послѣ *с* указываетъ на то, что здѣсь двѣ согласныхъ, т.-е. *сс*, а не *со*.

№ 230. Ветхій завѣтъ западно-русскій по Рум. музея, а С.-Петербургской Имп. Публ. библіотеки, собр. гр. Толстого, (Описаніе I, № 158), F. I. 2 (снимокъ взятъ у Соболевскаго: Палеогр. сн. 1901 г., т. XXXI). Рукопись эта несомнѣнно начала XVII вѣка, а не XVI, такъ какъ она представляетъ буквальный переводъ (нѣкоторыхъ книгъ въ извлеченіи) съ польской библіи Як. Вуйка 1599 г. (Biblia to iest księgi starego y nowego testamentv, wedłvg łacińskiego przekładu stárègo, w kościele powszechnym przyiętègo, na polski ięzyk z nowu z pilnością przełożonè.... Przez D. Jakvba Wvyka z Wągrowca, Theologa Societatis Jesv. W Krakowie. M. D. XCIX).

№ 237. Въ трансскр. грамоты 1613 г. должно быть (ть)ие [=тые] мѣстца (ср. нашъ «Очеркъ палеографіи», 488).

№ 258. Отпись 1730 г. Что это памятникъ южнорусскій, не можетъ быть и сомнѣнія: благородпій, василиєвимъ и т. д.

Подведемъ итоги сказанному.

«Изборникъ 1905 г.» не лишенъ недостатковъ, иногда довольно замѣтныхъ. Авторъ въ большинствѣ случаевъ предвидитъ

возраженія, которыя ему могутъ сдѣлать, и старается, какъ мы видѣли, привести соображенія, хотя и не всегда убѣдительныя, оправдывающія его методы и пріемы.

При всемъ томъ разсматриваемое изданіе имѣетъ и свои достоинства. Оно является первой попыткой дать компактный сводъ азбукъ кирилловскаго письма всѣхъ его видовъ съ X по XVIII вѣкъ, съ которымъ, несомнѣнно, придется имѣть дѣло какъ при практическомъ ознакомленіи съ рукописнымъ матеріаломъ, такъ и отчасти при преподаваніи палеографіи. Сводъ азбукъ обнимаетъ памятники не только русскаго письма, какъ это дѣлалось раньше, но и югославянскаго, притомъ изъ большого количества разнообразныхъ рукописей. Не довольствуясь однѣми азбуками, авторъ даетъ и небольшіе образцы письма. Обладая опытностью въ черченіи и рисованіи и значительной подготовкой въ области палеографіи, г. Трусевичъ очень точно передаетъ какъ азбуки, такъ и образцы. Если его альбомъ еще не является окончательнымъ выполненіемъ завѣта А. Шлецера, то во всякомъ случаѣ онъ значительно облегчаетъ дальнѣйшія попытки въ этомъ отношеніи, служа необходимымъ этапомъ науки въ подобномъ движеніи, давая въ то же время богатый наглядный матеріалъ для обобщающихъ выводовъ. Вся работа, при затратѣ значительныхъ средствъ, выполнена любителемъ авторомъ единолично и самостоятельно. Такимъ образомъ автору нельзя отказать въ любви къ дѣлу и въ надежности исполненія взятой на себя задачи. Такой трудъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ поощренія.

Принимая все вышеизложенное во вниманіе, я считаю возможнымъ ходатайство передъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о награжденіи труда г. Трусевича почетной медалью имени графа Д. А. Толстого.

Е. Карскій.

Варшава.
Октябрь 1906 г.